

О доказательственном значении видеозаписи следственных действий

Глушков М.Р.,
заведующий кафедрой криминалистики
шестого факультета повышения квалификации
Института повышения квалификации Академии Следственного комитета РФ
(г. Санкт-Петербург)
E-mail: factasunt@mail.ru

Аннотация. Носитель видеозаписи, выполненной в ходе следственного действия, является приложением к протоколу и, как следствие, сама видеозапись лишена доказательственного значения. Рассматриваться в качестве доказательства по признаку иного документа она также не может. То же касается и носителей информации, полученной при помощи других средств фиксации хода и результатов следственного действия — фотографирования, составления схем и т.д. Полагая такое положение вещей ненормальным, автор предлагает внести в уголовно-процессуальный закон соответствующие изменения. Сопряженная с ними возможная практическая трудность состоит в том, что оказывается неясен (точнее, непривычен) процессуальный статус приложений к протоколу, являющихся электронными носителями информации, в особенности, содержащих большие объемы такой информации. Следствием предлагаемых процессуальных новелл, казалось бы, станет тот факт, что вся эта информация сразу обретет статус доказательства, что не всегда оправдано. В статье предлагается рассматривать такую следственную ситуацию по аналогии со случаями изъятия документов.

Ключевые слова: видеозапись, следственное действие, доказательство, протокол следственного действия, относимость доказательств, допустимость доказательств, документ.

Видеозапись следственных действий получает все большее распространение в практике правоохранительных органов. Учитывая развитие цифровых технологий, можно предположить, что эта тенденция сохранится. В этой связи актуальной является проблема доказательственного значения такой видеозаписи, о чем и пойдет речь в данной статье.

Начать следует с того, что согласно п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ в качестве доказательства допускается, помимо прочих, протокол следственного действия. А видеозапись, на каком бы носителе она ни была представлена (кассета или электронный носитель информации), это согласно ч. 8 ст. 166 УПК РФ лишь приложение к нему и никак не составная часть, хоть нередко полагают как раз обратное. Такая точка зрения, помимо того, что характерна для многих практических работников¹, разделяется и некоторыми исследователями. Показательны, например, такие рассуждения: «Носители видеозаписи как приложения к доказательствам не могут быть самостоятельными доказательствами, но являются составной частью протоколов и используются в доказывании как приложения к ним»². Здесь упоминание о видеозаписи как о части протокола находится в явном противоречии с последующим текстом (видеозапись — это или часть протокола или приложение к нему). Кроме того, не вполне ясен термин «самостоятельное доказательство». Представляется, что доказательство таковым либо является, либо нет, и никакими дополнительными

статусами (наподобие «самостоятельности») надеяться не должно.

Итак, буквальное прочтение текста ч. 8 ст. 166 УПК РФ, начинающегося словами «К протоколу прилагаются...», не оставляет сомнений — негативы, слепки, киноленты и т.п. *приложены* к протоколу, т.е. не тождественны ни ему, ни его частям и существуют отдельно, хотя и в тесной связи с ним.

Таким образом, функции видеозаписи следственного действия сводятся, по большому счету, к сугубо иллюстративным³. Причем то же самое можно сказать и про иные способы фиксации — фотографирование, составление планов и схем. Подобное положение вещей видится нелогичным, поскольку не дает в полной мере использовать информативные возможности этих способов.

Не стоит забывать также, что видеозапись следственных действий оказывается в неоправданно проигрышном положении по отношению к другим видеоматериалам. Так, выполненная по всем правилам криминалистической тактики запись осмотра, которая упакована, опечатана и гарантированно не подвергалась изменениям, имеет значительно меньшее доказательственное значение (строго говоря, не имеет никакого), нежели представленная стороной пленка сомнительного происхождения и такого же качества. Понятно, что эта последняя будет проверяться следственным путем, в том числе экспертным. Но формально такая запись сразу становится до-

¹ Ее придерживается большая часть сотрудников, опрошенных автором на Шестом факультете повышения квалификации в первом полугодии 2016 г., — 56 из 97 человек.

² Криминалистическая видеозапись: учеб. пособие (курс лекций) / под общ. ред. Р.Ю. Трубицина и О.А. Щеглова. М.: Щит-М, 2004. С. 134.

³ Не секрет, что и следователи, и суды подчас апеллируют к фототаблицам или видеофайлам как к источникам доказательственной информации. Такие формы доказывания представляются вполне разумными, но на законе, тем не менее, не основаны и практикуются, скорее, от безысходности.

казательством как иной документ, причем не исключено, что поддельный, и неизвестно еще — удастся ли это выявить.

Показательно, что и следователи, и суды нередко рассматривают видеозапись следственного действия в качестве доказательства напрямую, без какой-либо трансформации, либо не задумываясь о том, что такая практика не соответствует закону, либо полагая, что подобное нарушение серьезным не будет⁴.

Между тем, представляется, что устранить сложившееся недоразумение было бы несложно, для этого не потребуются пересмотр правовых институтов и отраслей. Необходимо:

- либо внести в ч. 8 ст. 166 УПК РФ изменения, указав, что «фотографические негативы и снимки, киноленты...» и далее по тексту — это не приложения к протоколу, а его неотъемлемая часть;
- либо п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, допускающую протоколы в качестве доказательств, дополнить словами «...и приложения к ним».

Предпочтительным выглядит второй из вариантов как более лаконичный, кроме того, первый небезупречен лексически: не может, например, электронный носитель информации в прямом смысле быть частью протокола.

Предложенная новация, на первый взгляд, приведет к тому, что статус доказательств обретут и экспериментальные образцы почерка, выполненные на листах, прилагаемых к протоколу. Эти (и другие сходные) образцы действительно несут определенную информацию и в этом смысле подпадают под действие предложенных нами изменений. Но получена эта информация будет в ходе не следственного действия, а процессуального, при этом и ст. 166, и п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ ведут речь именно о следственных действиях. Известно, что они образуют подмножество внутри процессуальных (п. 32 ст. 5 УПК РФ) и отличаются от этих последних своим познавательным (или удостоверительным) характером⁵. Именно поэтому не относятся к следственным действиям эксгумация, задержание и упомянутое получение образцов, а назначение и производство экспертизы, напротив, относятся.

Далее рассмотрим еще одну ожидаемую трудность: как быть, когда в ходе следственного дей-

ствия получено (а не изъято, иначе о приложениях к протоколу вести речь будет уже некорректно) или скопировано огромное количество информации? Например, при осмотре сервера в организации скопировано несколько терабайт документации⁶. Получится, что все эти сведения, будучи зафиксированы на прилагаемом к протоколу носителе, сразу обретают статус доказательств.

Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим вначале другой, сходный — как быть в той же ситуации с документами? Ведь нередко бывает, что и их изымают или запрашивают по «горячим следам» в гигантских объемах. Они, по идее, тоже должны получить статус доказательств, причем сразу же, поскольку по форме вполне этому статусу удовлетворяют — ч. 2 ст. 84 УПК РФ.

Здесь, однако, нужно помнить, что помимо формы доказательства обладают еще и содержанием. С первой принято связывать допустимость доказательств — ч. 2 ст. 74 УПК РФ, начинаясь словами «В качестве доказательств допускаются...», ведет речь именно о форме⁷. Второе связано с относимостью — ч. 1 той же статьи определяет доказательства как сведения, на основании которых устанавливаются подлежащие доказыванию обстоятельства.

Следовательно, если на основании неких сведений не могут быть установлены или опровергнуты искомые обстоятельства (т.е. если они не имеют отношения к делу), то эти сведения не являются доказательствами по определению (данному в ч. 1 ст. 74 УПК РФ)⁸, в какую бы процессуальную форму (предусмотренную ч. 2 той же статьи) мы их ни облекли.

Вроде бы все ясно, но сплошь и рядом по уголовным делам между сторонами разгорается конфликт именно по этому поводу — имеет или не имеет конкретный факт отношение к делу. Защитник, например, ходатайствует о допросе свидетеля, считая его показания значимыми. Следователь в этом ходатайстве отказывает, уверяя, что ничего интересного свидетель не сообщит, а, кроме того, все доказано и так.

Другими словами, относимость доказательства не всегда очевидна. Кто же тогда должен решать этот вопрос в случае спора (или даже в отсутствие спора, при наличии обоснованных сомнений, например, на месте происшествия по делу о неочевидном преступлении)?

⁴ О невозможности неукоснительного соблюдения всех без исключения требований уголовно-процессуального закона юристы говорят подчас в весьма категоричной форме — «... буквальное применение уголовно-процессуального закона на территории нашей страны привело бы к коллапсу всей правоохранительной системы» (см.: Тимошенко А.А. Разумность как средство от формализма в науке и практике (уголовно-процессуальный аспект) // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4. С. 165).

⁵ Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение: научное издание. Самара: Изд-во Самарского университета, 2004. С. 14, 23; Баев О.Я. Тактика следственных действий: учеб. пособие. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 28.

⁶ Нелишним будет отметить, что такие действия допустимы лишь в порядке исключения. Следователь в любом случае должен стремиться к изъятию объектов или копированию информации, действительно имеющих отношение к делу.

⁷ Ее соблюдением, впрочем, допустимость не ограничивается, доказательство должно быть получено еще и в надлежащем порядке надлежащим лицом.

⁸ Для документов это правило продублировано и в ч. 1 ст. 84 УПК РФ — они допускаются в качестве доказательств, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ.

На досудебной стадии это, разумеется, следователь и дознаватель — именно они устанавливают обстоятельства на основании доказательств (ч. 1 ст. 74 УПК РФ). Это право следователя подкреплено также положениями ч. 1 ст. 86 УПК РФ, где те же процессуальные фигуры уполномочены на соби́рание доказательств.

Если так, то каким документом или действием следователь должен выразить это свое решение? Как он может дать понять, что одни сведения считает относящимися к делу, а другие — нет?

В большинстве случаев это делается просто — сведения, имеющие, по его мнению, значение, следователь облачает в процессуальную форму: заносит показание в протокол допроса, описание — в протокол осмотра, заявление — в протокол опознания и т.п. Таким, что называется, явочным порядком доказательство-свидетельство обретает форму.

А как быть в ситуации с документами? Ведь форму они имели изначально. Эти документы следователь должен осмотреть. При этом будет выявлено их содержание. Оценивая его, часть документов (не исключено, что большую) следователь посчитает не имеющими отношения к делу, что отразит в протоколе, возможно, даже в соответствующих выражениях — «тома такие-то содержат материалы о том-то, не имеющие отношения к расследуемому событию». Эти тома с сопроводительным письмом будут возвращены по принадлежности⁹. Здесь надо, правда, признать, что поступают так далеко не всегда. В итоге оказывается, что тома уголовного дела наполнены посторонними материалами — копиями учредительных, лицензионных или бухгалтерских документов, нормативных актов разного уровня и т.д. При этом неясно — имеют ли эти документы отношение к делу и, если да, то в какой части¹⁰. Изучение этих «материалов» в порядке ст. 217 УПК РФ занимает по нескольку месяцев, причем «виноватой» в затягивании сроков объявляется сторона защиты¹¹.

Если изъятое не разделить физически (например, подшивку документов, журнал или книгу учета), то делается это текстуально тем же способом. В протоколе отражаются значимые записи из журнала, по поводу остальных также сообщается, что они не имеют отношения к делу.

⁹ Не будет нарушением, если следователь вернет часть документов и без осмотра, к примеру, в случаях, если они были изъяты и представлены органом дознания, а для следователя их неотъемлемость очевидна (исходя из наименований томов) или стала очевидной уже после изъятия.

¹⁰ Многие следователи, надо отдать им должное, находят возможность выделить маркером значимые части текста. Какого-либо процессуального значения это действие, конечно, не имеет, но, по крайней мере, облегчает работу должностных лиц, изучающих дело в последующем.

¹¹ Уместно вспомнить, что в отсутствие множительной техники следователи естественным образом были ориентированы на выделение сути документов — ведь копировать их приходилось подчас вручную, набивая текст на пишущей машинке; по этой же причине практиковались выписки из нормативных актов — вместо того, чтобы, как сейчас, распечатывать их целиком на десятки листов.

Таким образом, отказывая документу в значимости для дела, следователь лишает его статуса доказательства, а точнее — не придает ему этого статуса.

Сказанное не означает, что осмотру подлежит любой документ. Получив по запросу, например, характеристику, справку о судимости или акт по форме 1-Н о несчастном случае на производстве, следователь лишь приобщает их к делу, обозначая тем самым свое решение — признать доказательством *все* изложенные в документе сведения.

Все, сказанное выше, справедливо и для приложений к протоколу. Упомянув их в п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, мы лишь обозначим новую форму доказательств. А требования по содержанию (как были объявлены в ч. 1 этой статьи) так и останутся. Если эти требования следователь сочтет соблюденными, то ему нужно будет констатировать относимость доказательства: либо протоколом осмотра — для отдельных сведений, либо по умолчанию — для всех содержащихся на прилагаемом к протоколу носителе.

С учетом изложенного нужно признать не вполне удачной формулировку ч. 1 ст. 86 УПК РФ о том, что каждое доказательство оценивается с точки зрения *относимости* и т.д. Любое доказательство по определению относительно, это его внутреннее качество.

Итак, приложения к протоколу следственного действия целесообразно наделить статусом доказательств.

Следствием таких поправок неизбежно станут коллизии между одним из способов фиксации и другим, например, теми же протоколом и видеозаписью¹². Вернее, коллизии по факту имелись всегда, проблема была и остается в том, что разрешаться они должны сейчас в пользу протокола по указанным выше причинам.

Установив же паритет иных средств фиксации с протоколом, законодатель предоставит следователю и суду возможность оценивать и то, и другое на равных — как доказательства, т.е. по правилам ч. 1 ст. 17, ст. 88 УПК РФ. При этом видеозапись, не имеющая признаков монтажа, надо полагать, будет оценена правоприменителем как более весомое доказательство в силу своей объективности.

Несложно при этом спрогнозировать снижение роли протокола в доказывании и преобладание технических средств фиксации, но вряд ли кого-то будет удручать такая перспектива. Скорее наоборот, странно смотрится в XXI в. процедура расследования, в которой главными средствами документирования остаются авторучка и бланк.

¹² Имеются в виду ситуации, когда видеозапись не совпадает с текстом протокола, фиксируя какое-то обстоятельство, о котором тот «умолчал». Сюда же относятся редкие, но теоретически возможные обратные варианты: в протоколе объект отражен, а на видео — нет (в смысле — видно, что он отсутствует, а не упущен из виду). Наконец, одно и то же обстоятельство два средства фиксации могут отображать по-разному.

Для полноты картины выясним — почему видеозапись не может иметь силу доказательства по признаку иного документа (ст. 84 УПК РФ)? Действительно, полемика вокруг процессуального статуса иных документов ведется давно и закончится, видимо, не скоро, по крайней мере, до тех пор, пока этот статус не будет явно определен в УПК РФ. Не занимая в этой дискуссии ни одну из сторон и рассматривая проблему исключительно в рамках заявленной темы, отметим одно, на наш взгляд, очевидное обстоятельство.

Каждому виду доказательств соответствует свой строго предназначенный способ собирания¹³, произвольная подмена надлежащего способа доказывания каким-либо другим незаконна¹⁴. Поэтому нельзя подменять обыск осмотром, выемку — получением образцов для сравнительного исследования, а допрос — документом, поскольку при этом, как минимум, теряет смысл разработанная отечественными юристами и закрепленная в УПК РФ система следственных действий. При этом для фиксации хода и результатов следственного действия существует только одно средство — протокол (п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ). Допросы участвующих лиц, практикуемые для уточнения деталей, не вошедших в него, этому общему правилу не противоречат хотя бы по той причине, что проводятся *post factum*, когда следственное

действие уже завершено, и, кроме того, проводятся чаще всего потому, что протокол был составлен с нарушением ч. 4 ст. 166 УПК РФ, т.е. не содержал описания процессуальных действий, выявленных существенных обстоятельств и заявлений участников.

Неслучайно поэтому исследователи подчеркивают, что документы фиксируют обстоятельства, ставшие известными за пределами следственных действий, и исходить от лиц, ведущих уголовный процесс, не могут¹⁵.

Список литературы

1. Баев О.Я. Тактика следственных действий: учеб. пособие. М.: Юрлитинформ, 2013.
2. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: монография. М.: Проспект, 2009.
3. Криминалистическая видеозапись: учеб. пособие (курс лекций) / под общ. ред. Р.Ю. Трубицина и О.А. Щеглова. М.: Шит-М, 2004.
4. Тимошенко А.А. Разумность как средство от формализма в науке и практике (уголовно-процессуальный аспект) // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4. С. 162-169.
5. Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калининский; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. М.: Кнорус, 2008.
6. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение: науч. изд. Самара: Изд-во Самарского университета, 2004.

About the Evidentiary Value of Video Recordings of Investigative Actions

Glushkov M.R.,

Head of the Department of Criminalistics
in the sixth faculty of Professional Development Institute of Academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation

E-mail: factasunt@mail.ru

Abstract. *Carrier of a video, made in the course of investigative actions, is an application to the report and, as a result, the video is devoid of evidentiary value. It also can't be considered as evidence on grounds other document. The same applies to other means of fixing of a course and results of investigative actions, photographing, mapping, etc. Assuming this situation as abnormal, the author offers to reform the criminal procedure law. It maybe bring about some potential practical difficulty. So, the procedural status of the applications to the report is unclear (or rather, unusual). Especially it concern to the electronic carriers of information, in particular contains large amounts of such information. The consequence of the proposed procedural novels, it would seem, will be the fact that all of this information immediately acquire the status of evidence. But it is not always justified. The article proposes to consider the situation by analogy with seizures of documents.*

Keywords: *video recording, investigative action, evidence, the report of investigative action, the relevance of evidence, admissibility of evidence, document.*

References

1. Baev O.Ya. Taktika sledstvennykh deistvij: ucheb. posobie. M.: Yurlitinform, 2013.
2. Dolya E.A. Formirovanie dokazatelstv na osnove rezultatov operativno-rozysknoi dejatel'nosti. M.: Prospekt, 2009.
3. Kriminalisticheskaja videozapis': ucheb. posobie (kurs lektsij) / pod obsch. red. R.Yu. Trubitsyna i O.A. Scheglova. M.: Sczhit-M, 2004.
4. Timoshenko A.A. Razumnost' kak sredstvo ot formalizma v nauke i praktike (ugolovno-processual'nyi aspekt) // Rossijskij jurnal pravovykh issledovanij. 2014. № 4. S. 162-169.
5. Ugolovnyi protsess: uchebnik / A.V. Smirnov, K.B. Kalinovskij; pod obsch. red. prof. A.V. Smirnova. M.: Knorus, 2008.
6. Sheifer S.A. Sledstvennye deistviya. Osnovaniya, protsessual'nyi porjadok i dokazatel'stvennoe znachenie: nauch. izd. Samara: Izd-vo Samarskogo universiyeta, 2004.

¹³ Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: монография. М.: Проспект, 2009. С. 77.

¹⁴ Уголовный процесс: учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калининский; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. М.: Кнорус, 2008. С. 188.

¹⁵ Там же. С. 206-207.